

Житейскія встрѣчи ¹⁾).

V.

Mortuos plango!

„... А станешь стариться, нарви — цвѣтовъ, растущихъ на могилахъ,—и ими сердце оживи“,—совѣтуетъ Некрасовъ въ одномъ изъ своихъ лучшихъ стихотвореній, и дѣйствительно, въ жизни, если не у каждаго, то у многихъ, наступаетъ такое время, когда предстоящее уже короткое будущее теряетъ свою прежнюю загадочную заманчивость, а прошлое—напоминаетъ о себѣ рядомъ могилъ. Цвѣты, о которыхъ говоритъ поэтъ, это—дорогіе образы тѣхъ, съ кѣмъ шелъ вмѣстѣ или встрѣтился въ жизни и кто не оставилъ послѣ себя горькихъ воспоминаній или непоправимыхъ посмертныхъ разочарованій. Эти образы возникаютъ въ своей цѣльности лишь послѣ смерти. Она освобождаетъ ихъ отъ случайныхъ и преходящихъ осложненій и, по большей части, заставляетъ исчезнуть и злорадство клеветы и искательство лести. Смерть соединяетъ съ усопшимъ болѣе, чѣмъ жизнь. Представляя послѣдній постепенно замолкающій или внезапно прерывающійся аккордъ жизни,—послѣднюю черту, оставляемую умершимъ въ памяти близкихъ и знающихъ его, смерть вызываетъ раскрытіе такихъ сторонъ въ личности ушедшаго, всплытіе наружу такихъ невѣдомыхъ дотолѣ обстоятельствъ его жизни, о которыхъ умалчивала скромность однихъ, забывчивость другихъ. И благодаря этому *жизнь* усопшаго становится понятнѣй и ярче *послѣ* его смерти.

Судьба послала мнѣ встрѣчу и общеніе съ нѣсколькими

¹⁾ См. „Русская Старина“, 1909—1911 г.

выдающимися русскими женщинами, оставившими свой слѣдъ въ нашей умственной и общественной жизни. Это были: баронесса *Эдита Федоровна Раденъ*, сотрудница Великой Княгини Елены Павловны—этой „нимфы Эгеріи“ Александра II-го въ лучшихъ дѣлахъ его царствованія; *Анна Павловна Философова* и *Барвара Павловна Тарновская* въ ихъ чуткой и отзывчивой общественной дѣятельности; *Прасковья Николаевна Тарновская* съ ея замѣчательными трудами изъ области антропологіи. Но не о нихъ хочется мнѣ вспомнить на этихъ страницахъ, тѣмъ болѣе, что двумъ первымъ изъ нихъ я отдалъ посильную дань душевнаго уваженія въ моей статьѣ объ Еленѣ Павловнѣ („Главные дѣятели освобожденія крестьянъ“ 1903 г.) и въ очеркѣ личности А. П. Философовой для сборника, посвящаемаго ея памяти. Мнѣ хочется здѣсь вспомнить о нѣкоторыхъ другихъ менѣе блестящихъ, не громкихъ по тѣсному кругу своей дѣятельности, оставившихъ на общественной нивѣ менѣе замѣтный слѣдъ, но въ сердцѣ, знавшемъ ихъ, прочное и яркое воспоминаніе. Ихъ замкнутая въ области заботы о ближнихъ и теплаго участія къ дальнимъ жизнь выходила, конечно, далеко за предѣлы начертанныхъ германскимъ императоромъ рамокъ, выраженныхъ четырьмя словами: „Kirche, Kinder, Küche, Kleider“ уже потому, что вмѣсто обрядовой церковности онѣ шли свободно и смѣло на житейское осуществленіе завѣтовъ Христа,—не умѣли *раздѣваться* во вкусѣ надвигавшейся современной моды,—не предавались безъ оглядки разнымъ видамъ спорта—этого „труда роскошествующихъ“—и безъ сомнѣнія, будучи хорошими хозяйками, были плохими „кухарками“. Но онѣ понимали, что одной изъ главныхъ задачъ женщины въ жизни должно быть: „иногда *исцѣлять*, часто *облегчать* и всегда *утѣшать*“ и своими душевными проявленіями осуществляли мнѣніе князя Одоевскаго о томъ, что жизнь хорошаго человѣка есть *доброе дѣло* въ жизни другихъ людей.

Объ одной изъ нихъ я уже говорилъ въ другомъ мѣстѣ („Очерки и воспоминанія“ 1906 г.). Это была *Вѣра Александровна Еракова-Дамилова*, рано вглядѣвшаяся въ жизнь и всю сложность ея явленій, постигшая умомъ и почувывая сердцемъ, что въ сущности люди (и не всегда притомъ по собственной винѣ) раздѣляются на умѣющихъ страдать и умѣющихъ причинять страданія, на плачущихъ явно или невидимо и на способныхъ заставлять плакать. Проницательная и вдумчивая, она научилась отличать вторыхъ отъ первыхъ и идти на помощь послѣднимъ, раздѣляя завѣтъ „святого доктора“ Гааза: „торопи-

тесъ дѣлать добро!“ Еще не будучи замужемъ и принадлежа къ состоятельной семьѣ, она усердно давала уроки, „чтобы имѣть свои рубли“ для помощи, которую оказывала щедро и деликатно, обыкновенно безъ указанія истиннаго источника, выдавая себя лишь за исполнительницу чужихъ порученій. Никогда не унывая, несмотря на ошибки и разочарованія въ людяхъ, она продолжала непоколебимо вѣрить въ нихъ, стараясь судить о каждомъ съ благородной справедливостью—по лучшимъ проявленіямъ его природы, а не по прозаическому повседневному „прохожденію жизни“. Заботы о семейномъ очагѣ и о нѣжно любимыхъ дѣтяхъ ни на минуту не заслоняли отъ нея чужого горя и скорбей. Постоянно къ нимъ приглядываясь и присматриваясь, она вѣчно отдавалась хлопотамъ о ихъ облегченіи. Поэтому тѣ, кому послѣ ея смерти удалось заглянуть въ тщательно скрываемую ею область ея добрыхъ дѣлъ, прозвали её *маленькимъ докторомъ Гаазомъ* и это прозвище вполне объясняетъ учрежденіе въ память ея кровати въ Московскомъ пріютѣ имени Ѡ. П. Гааза для бездомныхъ дѣтей. Она вошла въ дѣятельную жизнь въ то время, когда высшее женское образованіе у насъ еще только зарождалось. Но любовь къ литературѣ и искусству были потребностью ея тонкой натуры. Не выдвигаясь впередъ, скромно и, какъ бы застѣнчиво обнаруживая свое обширное образованіе, которое было настоящимъ *личнымъ самообразованіемъ*, она умѣла цѣнить всѣ проявленія истиннаго таланта и неподдѣльнаго творчества, чему, конечно, способствовали частыя встрѣчи въ домѣ отца съ его друзьями Плещеевымъ, Некрасовымъ и Салтыковымъ. Она глубоко любила и понимала музыку—этотъ „языкъ невыразимыхъ словами чувствъ“,—участвовала въ составленіи разумныхъ книжекъ для дѣтскаго чтенія и печатала подъ псевдонимомъ повѣсти и рассказы, отражавшіе, среди яркихъ картинъ природы и вѣрныхъ психологическихъ наблюденій, главныя душевныя свойства автора: вдумчивое, съ отбѣнкомъ грусти, отношеніе къ жизни и широкую способность прощенія и пониманія людскихъ слабостей. Смерть похитила ее 16-го марта 1896 года, послѣ успѣшно прошедшей операціи, когда ея сердце, такъ умѣвшее биться для другихъ и за другихъ, не нашло силъ продолжать биться для себя.

Обращаясь къ другому привлекательному женскому образу—женѣ и ватѣмъ вдовѣ профессора Александра Дмитріевича Градовскаго, *Ольга Владиміровна Градовской*—приходится сказать нѣсколько словъ объ ея усопшемъ, но живомъ въ памяти знавшихъ

его, мужъ. Глубокій ученый и вмѣстѣ учитель, — учитель молодежи въ качествѣ профессора и учитель общества въ качествѣ публициста, — онъ оставилъ по себѣ огромный научный трудъ — своего рода монументальное зданіе, въ которомъ водчій и практическій строитель слились воедино. Одинъ — начерталъ планъ и способы исполненія, обдумавъ каждую подробность и исходя изъ невыблемаго для него идеала; другой — выполнилъ этотъ планъ, трудясь постоянно и неустанно, „не покладая рукъ“ и собравъ поразительную по своему обилію и разнообразію массу матеріала. Всѣ его публицистическіе труды, его многотомное „Государственное право Европейскихъ державъ“ и „Русское государственное право“, его мелкія замѣтки и публичныя лекціи — были проникнуты идеей о правовомъ началѣ, оберегающемъ личность и помогающемъ ей свободному развитію. Настаивая на политическомъ воспитаніи личности и, слѣдовательно, цѣлаго общества, Градовскій вносилъ въ свой трудъ біеніе горячаго и нѣжно любящаго свой народъ сердца и вкладывалъ въ него и свои упованія и свое негодованіе. Вся его разнообразная дѣятельность, выражавшаяся между прочимъ и въ живомъ участіи въ разныхъ законодательныхъ работахъ, требовала большой траты силъ. Ихъ у него, съ его физически больнымъ сердцемъ, было не много, а способность страстно влагать въ каждое дѣло всю свою душу, конечно, не содѣйствовала ихъ накопленію. Жизнь не щадила его и наносила ему подчасъ глубокіе удары. Впечатлительный, нервный и гордый, онъ съ трудомъ оправлялся отъ нихъ, а стародавній недугъ шелъ быстрыми шагами, и „судьбой отсчитанные дни“ были отпущены ею съ жестокою скупостью. Послѣдній годъ его жизни былъ сплошною агоніей, безнадежною борьбою его душевныхъ силъ съ явно и грозно надвигавшеюся смертью. Онъ вынужденъ былъ оставить любимый университетъ и, послѣ безплодныхъ и отяготительныхъ странствованій по Германіи, слечь въ Петербургѣ, чтобы уже больше не вставать. Ему не пришлось дожить до измѣненія нашего законодательнаго строя, но несомнѣнно, что въ насажденіи здравыхъ понятій о значеніи, условіяхъ и задачахъ народнаго представительства, его труды сыграли выдающуюся роль.

Градовскій сочетался въ 1867 году бракомъ съ шестнадцатилѣтнею дочерью воронежскаго помѣщика Владиміра Дмитріевича Шидловскаго. Почти одновременно онъ сдѣлался профессоромъ Петербургскаго университета, и молодая супруга сразу вступила въ кругъ его товарищей, — ученыхъ дѣятелей, еще полныхъ впечатлѣніями и завѣтами „эпохи великихъ реформъ“.

Нѣжная и преданная жена, подарившая мужу сына и двухъ дочерей, она заняла достойное мѣсто въ томъ кругу, въ который ввелъ ее мужъ. Раздѣляя всѣ его взгляды, поддерживая его бодрость, окружая его чуткой заботой, она прошла съ нимъ въ духовномъ сліяніи двадцать два года. Сознательная и глубокая душевная близость этихъ двухъ существъ—мужа, который работалъ, „упорствуя, волнуясь и спѣша“, и жены, всегда спокойной, вдумчивой и уравновѣшенной—была для всѣхъ знавшихъ эту семью и испытавшихъ въ ней то, что французы называютъ „гостепріимствомъ мысли“, такъ очевидна и осязательна, что въ ихъ представленіи образъ Александра Дмитріевича всегда неразрывно сливался съ образомъ Ольги Владиміровны. Она, однако, не была покорнымъ и слѣпымъ отзвукомъ умственной жизни своего мужа. Въ ея миломъ русскомъ лицѣ и серьезномъ взглядѣ умныхъ глазъ чувствовалась самостоятельная работа мысли, умѣло развивавшей и примѣнявшей взгляды своего мужа къ явленіямъ практической жизни. Прекрасная домоправительница и рачительная воспитательница дѣтей, она умѣла сдѣлать свой семейный очагъ чуждымъ мѣщанскому самодовольству и разливающимъ теплоту далеко за свои предѣлы.

Печаленъ былъ закатъ Градовскаго въ расцвѣтѣ умственныхъ силъ, готовыхъ на плодотворную работу въ пользу родины, къ потребностямъ которой онъ приросъ всѣми корнями души, о которой говорилъ постоянно то серьезнымъ тономъ мыслителя, то съ любящимъ юморомъ. Вдали отъ родины, въ горныхъ окрестностяхъ Гейдельберга за полгода до смерти, которая вѣяла вокругъ него и уже коснулась его концомъ крыла, онъ, измученный долгими страданіями, дыша трудно и прерывисто, все говорилъ о далекой Россіи и, мысленно воскрешая ея сѣрыя картины, то переживалъ прошлое, то пытливо заглядывалъ въ будущее. Но на его „закатъ печальный“ лила свои лучи, выражаясь словами поэта, „любовь улыбкою прощальной“! Она смягчала его горечь, облегчала ему боль, несмотря на то, что сердце жены, лившее эти лучи, было втайнѣ истерзано ожиданіемъ безвременной, неминуемой кончины мужа и истомлено годами заботъ и неумолкающихъ тревогъ, когда приходилось безъ устали, съ нѣмымъ достоинствомъ скрываемой печали заслонять его отъ смерти чуткимъ и нѣжнымъ уходомъ.

Когда скончался Градовскій, Ольга Владиміровна не растерялась, не опустила бессильно руки и не погрузилась, какъ это очень часто дѣлается, исключительно въ свое горе, которое обыкновенно обращается затѣмъ къ тихую печаль, переходящую впоследствии

въ привычное унылое состояніе вдовы замѣчательнаго человѣка, вызывающей къ себѣ почтительное, но, въ сущности холодное отношеніе знавшихъ и любившихъ ея покойнаго мужа. Она не стала *вдовой*—и больше ничѣмъ. Нѣтъ! Она глубоко поняла, что выдающимся человѣкомъ и упорнымъ трудолюбцемъ, съ которымъ она прошла значительную часть жизненнаго пути, ей какъ-бы завѣщаны двѣ задачи: исполнить до конца, стойко и отзывчиво, долгъ матери его дѣтей и увѣковѣчить память о немъ. Въ послѣднемъ отношеніи она осуществила всей своей дальнѣйшей жизнью то, что въ старину русскіе люди называли *потрудимица* и *сослужебница*. Она закрѣпила трудъ мужа и дала послѣднему возможность и за гробомъ продолжать служить русскому обществу и молодымъ поколѣніямъ своимъ знаніемъ и своими возвышенными нравственными идеалами. Когда семейныя ея заботы съ выходомъ замужъ дочерей за академика Шахматова и за профессора Вальтера оставили ей отчасти нѣкоторый досугъ, она посвятила почти все свое время усиленному подготовленію и собранію сочиненій мужа. Это была работа чрезвычайно трудная, потому что кромѣ научныхъ трудовъ и статей, выходившихъ за его подписью, имъ въ качествѣ дѣятельнаго сотрудника „Голоса“, было напечатано огромное число передовыхъ статей и фельетоновъ на общественныя темы, изъ которыхъ лишь немногіе были подписаны псевдонимомъ „Вилевскій житель“ (по мѣсту нахождения принадлежавшей ему дачи). Пришлось розыскать и пересмотрѣть массу печатнаго матеріала, свѣрить его съ черновыми замѣтками покойнаго, съ его перепиской, со своими личными воспоминаніями и съ редакціонными книгами „Голоса“. Духовное единство съ мужемъ помогало во многихъ случаяхъ Ольгѣ Владиміровнѣ въ неподписанныхъ статьяхъ и въ отдѣльныхъ отрывкахъ чуютъ душевный складъ мужа, его живой и образный способъ выраженій, и высказанные имъ по поводу тѣхъ или другихъ обстоятельствъ мысли и взгляды.

Въ пожелтѣлыхъ страницахъ давно закрытой попечительнымъ начальствомъ вліятельной газеты для нея оживалъ образъ любимаго человѣка, и изъ нихъ слышался его голосъ. Но это воссозданіе когда-то живой работы ума и сердца, замолкнувшихъ навѣкъ, эта своего рода *литературная палеонтологія*, которою по кусочкамъ возстановлялось цѣлое, было дѣломъ нелегкимъ и требовало усидчивости, настойчивости и крайняго напряженія физическихъ и душевныхъ силъ. Въ 1897 году Ольгѣ Владиміровнѣ удалось составить библиографическій списокъ трудовъ А. Д. Градовскаго, а съ 1899 года по 1904 годъ она

Ольга Владиміровна
ГРАДОВСКАЯ.
† 1912

выпустила девять томовъ его сочиненій, прочитавъ каждый листъ изъ семи томовъ этого изданія. Провѣряя всѣ многочисленныя цитаты, выписки изъ законодательныхъ актовъ и ссылки на статьи Полнаго Собранія законовъ, она должна была постоянно напрягать зрѣніе, которое къ концу этой работы въ значительной степени ослабѣло, что повергало ее въ большую скорбь и не за себя, а за невозможность окончить служеніе памяти спутника своей жизни. Постоянной мечтой ея было изданіе двухъ дополнительныхъ томовъ къ собранію сочиненій мужа—и постоянной тревогой мысль о томъ, что послѣ ея смерти сочиненія, для нихъ предназначенныя, не увидятъ свѣта.

Эта работа переплеталась у нея съ принятымъ на себя сердечнымъ и самоотверженнымъ уходомъ за больнымъ внукомъ.—впавшимъ въ параличное состояніе отъ перенесеннаго имъ менингита,—до самой его смерти. Въ теченіе одиннадцати лѣтъ она не знала личной жизни иначе какъ въ формѣ неустанной и нѣжной заботы о страдальцѣ. Лишь изрѣдка собирались у нея немногіе остававшіеся въ живыхъ друзья и сверстники ея мужа и въ душевной бесѣдѣ, сопровождаемой иногда какимъ-либо литературнымъ докладомъ, вспоминали дорогое для нея прошлое.

Осенью 1911 года силы стали ей окончательно измѣнять и послѣ пребыванія въ больницѣ Евгеніевской общины она скончалась въ деревнѣ своего зятя А. А. Шахматова на рукахъ своей дочери 12-го іюня 1912 года. Такъ угасла эта цѣльная, полная внутренняго содержанія жизнь. Судьба, пославшая ей радость быть истиннымъ другомъ замѣчательнаго ученаго и прекраснаго человѣка,—*дѣятельно* любившимъ его не только при его жизни, но и послѣ смерти,—давшая ей пережить не мало испытаній, была къ ней, въ концѣ концовъ, милостива: Градовская ушла, по-своему „свершивъ въ предѣлѣхъ земномъ все земное“, изъ среды любящей и преданной семьи, не доживъ одного года до тяжкаго несчастія сына, потерявшаго жену во время Двинской желѣзнодорожной катастрофы и до неожиданной смерти своей дочери Софьи Александровны Вальтеръ, такъ живо напоминавшей внѣшнимъ и внутреннимъ обликомъ своего отца.

Говоря о „потрудилицѣ“ для своего мужа, невольно вспоминаешь и другую русскую женщину, память которой въ глазахъ знавшихъ ее окружена тихимъ свѣтомъ доброты и привѣтливаго отношенія къ людямъ. Она скончалась годъ на-

завдъ, сразу оставивъ послѣ себя незаполнимую пустоту. Это была *Еленія Николаевна Воронова*, рожденная Веревкина, проведшая свое дѣтство и первую молодость въ коренной русской обстановкѣ, сначала въ Кинешмѣ, а затѣмъ въ Костромѣ. Живая, способная и остроумная, она уже съ пяти лѣтъ увлекалась чтеніемъ, — на школьной скамьѣ зачитывалась облагораживающими духъ и расширяющими душевные горизонты произведеніями писателей пятидесятихъ и шестидесятихъ годовъ, знакомясь въ то же время съ лучшими образцами иностранной литературы, чему помогало прекрасное знаніе языковъ, дававшее ей впоследствии завидную возможность, держа предъ собою оригиналъ на чуждомъ языкѣ, немедленно пересказывать его ясно, красиво и точно по-русски. Къ этимъ ея умственнымъ свойствамъ присоединялась богатая фантазія. Еще въ дѣтствѣ, когда старушка-няня, рассказывая ей, на сонъ грядущій, сказку, начинала дремать и всхрапывать, она принималась плести по канвѣ этой сказки свои собственные узоры. Услышавъ голосовъ ребенка, няня страхивала съ себя сонъ и, удивленно вслушиваясь, пробовала убѣдительно и авторитетно перебивать его рассказъ: „что ты, матушка, откуда ты это взяла? никогда этого съ Иваномъ-царевичемъ не бывало“. Выйдя двадцати одного года замужъ за капитана генеральнаго штаба П. Н. Воронова и переселившись вмѣстѣ съ нимъ въ Петербургъ, воспріимчивая и наблюдательная молодая женщина попала сразу въ двойное общество: въ общество профессоровъ академіи и офицеровъ генеральнаго штаба и въ общество, собиравшееся у перваго редактора „Русской Старины“ М. И. Семевского, женатаго на теткѣ Вороновой.

Въ *первомъ* изъ этихъ обществъ ей пришлось вращаться, пытливо вслушиваясь въ серьезные рассказы военныхъ ученыхъ и историковъ, въ родѣ Леера, Пузыревскаго и другихъ, общеніе съ которыми вызвало въ ней интересъ къ очеркамъ изъ военнаго быта, печатавшимся ею въ извѣстныхъ изданіяхъ Березовскаго. Во *второмъ* — у радушнаго ховяина собирався весь тогдашній литературный и артистическій міръ. Встрѣча съ такими людьми, какъ Тургеневъ, Гончаровъ и Горбуновъ, какъ Рубинштейнъ и Самойловъ, и присутствіе при ихъ бесѣдахъ давало одновременно и эстетическое наслажденіе и богатую пищу воспріимчивому уму молодой женщины. Стоитъ развернуть „Альбомъ“ Семевского (1888 г.) и прочесть сдѣланныя въ немъ записи и списки участниковъ собраній у ховяина, чтобы видѣть, какую живую смѣну глубокихъ мыслей,

ЕВГЕНІЯ НИКОЛАЕВНА
ВОРОНОВА.

† 28 января 1913 года.

тонкихъ наблюденій, поэтическихъ порывовъ, остроумныхъ выходокъ, историческихъ свѣдѣній и живыхъ воспоминаній являли собою бесѣды людей, группировавшихся около практически-любопытнаго хозяина. Умѣя извлекать изъ каждаго что-нибудь интересное, зорко приглядываясь къ настоящимъ и возможнымъ въ будущемъ сотрудникамъ своего историческаго журнала, онъ намѣчалъ силы и матеріалъ для дальнѣйшихъ книжекъ послѣдняго.

Прислушивалась ко всему этому, конечно, и Евгенія Николаевна, и ея умственный круговоръ расширялся и обогащался полнотою и разнообразіемъ свѣдѣній по литературѣ, искусству и исторіи. Результаты этихъ „Lehrjahre“ сказались особенно сильно въ то время, когда ея мужъ въ свою очередь сдѣлался редакторомъ „Русской Старины“. Въ подготовительной работѣ по оцѣнкѣ и распредѣленію матеріаловъ и по ознакомленію съ многочисленными печатными произведеніями, присылаемыми въ редакцію, она являлась дѣятельной помощницей его, внося въ эту кропотливую работу присущія ей чувства такта и вкуса. И подъ ея скромнымъ и гостепріимнымъ кровомъ стали собираться политическіе и литературные дѣятели, встрѣчались историки С. Ф. Платоновъ, П. Я. Дашковъ, Е. С. Шумигорскій и другіе, и появлялись выдающіеся представители сценическаго искусства. Объединяя своихъ посѣтителей и вовлекая ихъ въ общую бесѣду своимъ умѣньемъ просто и радушно группировать ихъ въ своей маленькой гостиной, Воронова обладала двумя рѣдкими у насъ вообще и среди русскихъ женщинъ въ особенности, качествами: способностью рассказывать точно и ясно, соблюдая перспективу повѣствованія и, что еще важнѣе, *умѣньемъ слушать*, не перебивая и не вставляя замѣчаній „изъ другой оперы“. Эти ея качества дѣлали разговоръ съ нею особенно пріятнымъ, а иногда, въ виду разнообразія и богатства сообщаемого ею,—и поучительнымъ. Къ этому надо прибавить и еще одно ея свойство, тоже рѣдкое въ наше эгоистическое время. Оно состояло въ пониманіи того, что можетъ искренно и живо интересоваться собеседника, и въ стремленіи искусно и деликатно сводить разговоръ именно на эту тему, интересуясь выдающимися и общепонятными сторонами его специальной дѣятельности и съ благородной терпимостью относясь къ мнѣніямъ и взглядамъ, которыхъ она не раздѣляла. Добрая безъ напускной чувствительности, глубоко вѣрующая безъ узкой нетерпимости, она умѣла понимать горе ближнихъ, съ участіемъ заглядывать въ ихъ

души въ скорбныя минуты и творить добро, какъ истинная христіанка, стараясь, чтобы лѣвая рука не вѣдала, что творить правая; умѣла также оставлять теплыя и прочныя по себѣ воспоминанія. Въ теченіе пятнадцати лѣтъ со времени оставленія ея мужемъ командованія новочеркасскимъ полкомъ память о ней „не поросла травой забвенія“ у офицеровъ этого полка, о чемъ молчаливо свидѣтельствовали ежегодно присылаемые ими ко дню св. Евгеніи — цвѣты. Окруженная сочувствіемъ всѣхъ ее знавшихъ, она рано сошла въ могилу, до конца дѣятельная и отзывчиво относящаяся ко всему, касавшемуся горячо любимой ею родины. Уже тяжело-больная, она мысленно присутствовала на предстоявшей закладкѣ храма-памятника въ честь двадцати двухъ тысячъ русскихъ воиновъ, павшихъ сто лѣтъ назадъ подъ Лейпцигомъ „въ битвѣ народовъ“ — и ревностно собирала пожертвованія на увѣковѣченіе этой великодушной, хотя, быть можетъ, и напрасной жертвы, принесенной Россіей. Среди мучительныхъ сердечныхъ припадковъ, почти непрерывныхъ и быстро сводившихъ ее въ могилу, она оставалась вѣрна правилу своей жизни: заботиться о другихъ и мало думать о себѣ. Когда затихали на время ея слабыя стоны, которыми она старалась не обезпокоить своихъ близкихъ, она звала къ себѣ тѣхъ, кто самъ нуждался въ ея утѣшеніи, одобреніи или добромъ совѣтѣ и слабѣющей передъ смертью рукою писала горячее письмо участія знакомой, только-что лишившейся мужа. Она отошла отъ жизни со сказаннымъ доктору словомъ „хорошо“, которымъ могло быть охарактеризовано и все ея земное существованіе.

Встаетъ затѣмъ въ моей памяти, какъ живая, *Александра Васильевна Плетнева* — вдова академика и ректора Петербургскаго университета П. А. Плетнева. Каждый, кто зналъ эту милую и оригинальную русскую женщину, кому пришлось заглянуть въ ея душу, кто слышалъ о ея супружеской жизни, не можетъ не признать, что она являлась въ существованіи своего мужа живымъ воплощеніемъ той „святой мечты“, которою была исполнена, по словамъ Пушкинскаго посвященія ему „Евгенія Онѣгина“ — душа Плетнева. И въ ней, какъ въ последнемъ, было одновременное соединеніе „высокихъ думъ и простоты“. Несмотря на разницу лѣтъ, она умѣла отдаться самоотверженному облегченію недуговъ преклоннаго возраста мужа и утѣшенію его въ минуты тяжкихъ страданій, окончившихся его смертью въ Парижѣ 29 декабря 1865 года. Недаромъ подарилъ онъ ей передъ кончиной золотой крестъ съ многозначи-

тельной надписью: „я расскажу Богу, чѣмъ ты для меня была“.

Потерявъ мужа, память котораго свято и трогательно чтала она всю свою жизнь,—часто уходя, по словамъ ея письма „низко, низко поклониться его могилѣ и просить у его возвышенной души благословенія на жизнь и ея испытанія“, Плетнева настойчиво и обдуманно принялась за воспитаніе двухъ сыновей, вложивъ въ ихъ юношеское развитіе и въ заботу о первыхъ шагахъ ихъ жизни всю свою любящую душу. Но эти заботы не ограничили ея круговора: не старѣя душевно, несмотря на сѣдину кудрей, обрамлявшую ея выразительное, подвижное лицо съ живыми умными глазами, она жила всѣми интересами современности, далекая и отъ старческаго брюзжанія и отъ безразличія апатіи.

Глубоко русская во всѣхъ своихъ чувствахъ, поведкѣ и красивомъ мѣткомъ словѣ (она происходила изъ стариннаго рода князей Щетининыхъ)—она любила родину сознательной и страстной любовью, не скрывая, однако, отъ себя недостатковъ русскаго человѣка и нѣкоторыхъ порочныхъ сторонъ нашей общественности. Подобно простой русской женщинѣ, она „жалѣла“ свой народъ, соединяя въ этомъ чувствѣ и нѣжную, подчасъ горделивую къ нему привязанность и скорбь о печальныхъ свойствахъ его безволія. „А знаете ли, какъ Россія-то мила русскому сердцу?“ писала она мнѣ изъ-за границы. „Что-то ѣкаетъ, когда видишь русскія слезы—добрыя, простыя слезы. *Все простое — прекрасно! Le beau c'est le simple!* И какъ просто русское сердце, когда оно умѣетъ себя проявить. Когда доживаешь свой вѣкъ, какъ все искусственное дѣлается чуждо и непонятно. Какъ мнѣ хочется снова увидѣть нашу бѣдную, простую Россію!“ Въмѣстѣ съ тѣмъ по разностороннему образованію, по тонкому эстетическому развитію и по глубокому сознанію чувства долга въ себѣ и уваженію его въ другихъ, она соединяла въ себѣ лучшія черты западно-европейскаго человѣка. Непреклонная въ убѣжденіяхъ, мягкая и снисходительная въ личныхъ отношеніяхъ, безобидно остроумная, она способна была возмущаться всякой неправдой, которая ее лично и не касалась. „Меня поражаетъ“—говорила она передъ концомъ своей долгой жизни—(она скончалась 76 лѣтъ), „среди всего окружающаго упадокъ у насъ чувства негодованія. Это страшный признакъ, не обѣщающій ничего хорошаго въ будущемъ“. „Какая у насъ частая дряблость души“—писала она мнѣ,—всѣ вокругъ ноютъ, и всѣ безсильны волей и мыслью, и какъ всѣ

одиноки! Быть можетъ, это отъ Петербурга и отъ его жизни, гдѣ одни слишкомъ часто видятся отъ праздности и надоѣли другъ другу, а другіе не могутъ видѣться изъ-за работы, которой непосильно много. Эти скучные долгіе темные дни тянутся непрерывной цѣпью, и мы взваливаемъ ихъ на плечи безъ помощи дружеской руки. Противная петербургская жизнь! Я замѣтила, что *никогда* нельзя такъ обходиться безъ жизненнаго элемента дружбы, какъ подъ нашимъ могильнымъ покровомъ безразсвѣтнаго дня. Мы со всѣмъ на свѣтѣ примиряемся и становимся въ строй тяжкихъ обстоятельствъ безъ борьбы и даже безъ протеста... Но сама она была способна на смѣлый протестъ. Когда 17-го февраля 1861 года на торжественномъ актѣ Петербургскаго университета профессору Костомарову не было, по распоряженію министерства, дозволено прочесть свою рѣчь о Константинѣ Аксаковѣ, среди публики и студентовъ поднялись шумъ и крики, и произошла демонстрація, заставившая почетныхъ гостей, съ митрополитомъ во главѣ, покинуть залъ. Ректоръ Плетневъ, ни въ чемъ неповинный, былъ окруженъ негодующей молодежью, требовавшей объясненій. Узнавъ о положеніи мужа, Александра Васильевна прибѣжала въ залъ, пробилась сквозь толпу, въ слезахъ обняла Плетнева и стала между нимъ и тѣснившими его. Ея разстроенный видъ и ея мужество подѣйствовали лучше всякихъ уговоровъ... Толпа отступила и тихо разошлась, при чемъ, по разсказамъ современниковъ, многіе почтительно кланялись женѣ ректора.

Друзья ея мужа всю жизнь оставались и ея друзьями. Вращаясь между ними, она какъ бы являлась представительницею покойнаго. У нея бывали и радостно ее встрѣчали у себя люди, чтившіе память П. А. Плетнева, и она платила имъ пріязнью, стоявшею вѣкъ сомнѣній и выше испытаній. Къ ея близкимъ друзьямъ принадлежали братья К. К. и Я. К. Гроты, М. М. Стасюлевичъ и другіе люди повдвѣйшаго поколѣнія, въ томъ числѣ и Павелъ Васильевичъ Жуковскій, сынъ поэта, симпатичный художникъ, другъ и почитатель Вагнера, идеалистъ чистой воды. Со справедливой гордостью вспоминала Плетнева открытіе въ 1887 году въ Александровскомъ саду памятника поэту. „Въ день открытія памятника Жуковскому— писала она — я играла драгоцѣнную для меня роль: я появилась подъ руку съ *ею* сыномъ, какъ вдова *ею* друга и пережила хорошія минуты“. Къ ней былъ тепло привязанъ и поэтъ Федоръ Ивановичъ Тютчевъ. Въ его письмахъ къ ней, напич-

удержимыя слезы брызнули у меня изъ глазъ. Такъ неужели же Господь милосердный не заплачетъ надъ нами когда-нибудь?! Вѣдь, этого быть не можетъ!“—„Ничего нѣтъ вѣрнѣе смерти“ — говорила она и поэтому думала она о ней спокойно. „Какая, однако, битва — жизнь и какой покой смерть“ — писала она изъ Аркашона, гдѣ была съ больнымъ внукомъ. „Я теперь живу почти такъ же одиноко, какъ Кохановская на своемъ хуторѣ. Годами выдержавъ это одиночество, она торжественно изъ него ушла, полная вѣры, любви и мужества. Вы правы — тишина и уединеніе сосредоточиваютъ мысли; тишина втягиваетъ въ свою глубину. Я часто помышляю о смерти. Надо быть готовой умѣть сразу сказать *прости* земному и... въ походъ!—безъ сожалѣнія, зная, что на томъ берегу давно уже манять и зовутъ открытыя объятія Христа. Я восхищаюсь характеромъ Фридриха III, умирающаго въ Берлинѣ. Сколько силы воли и духа, торжествующаго надъ страданіями тѣла, и сколько жизни предъ лицомъ смерти!“ Ее по временамъ угнетала не мысль о кончинѣ, а ощущеніе надвинувшейся старости. „Я очень грущу и тоскую“ — пишетъ она—„отъ того, что *все* пережито, что дорогое прошедшее такъ далеко, далеко, и беретъ отчаяніе думать, что все безконечно милое отступило въ далекую перспективу, а на первомъ планѣ стали и стоятъ ежедневныя ничтожныя событія общественной и личной жизни, нисколько не облегчающія жажды души. Эта длинная задняя перспектива—это та старость, которой я одной боялась, находя, что она — единственный тяжкій крестъ, котораго не понесъ Христосъ и не научилъ примѣромъ своимъ, какъ его донести до конца“.

Чуждая предразсудковъ и суевѣрій, ясная умомъ и сознательная въ чувствѣ, она любила, однако, поэтическія сказанія о смерти и чутко прислушивалась къ разнымъ рассказамъ изъ таинственной области послѣдней. Сама уже тяжело больная, она писала мнѣ: „мнѣ рассказывали про странное и граціозное видѣніе, бывшее у Н—аго незадолго до его кончины. Онъ сказалъ дочери, лежа на одрѣ болѣзни: „зачѣмъ ты тутъ садишься? Здѣсь сейчасъ подлѣ меня сидѣла смерть.—Какая она?!—Молодая дѣвушка съ длинными бѣлокурыми волосами, съ вѣнкомъ изъ розъ на головѣ, въ бѣломъ платьѣ, съ тяжелымъ чернымъ крестомъ на шеѣ и съ лампадою въ рукахъ. Она мнѣ сказала, что я не буду больше смѣяться и что она въ слѣдующій разъ придетъ и возьметъ меня съ собою“. Онъ говорилъ это спокойно безъ всякаго страха, но

больше не смѣялся до кончины, но однажды сказалъ, что гостыя приходила во второй разъ и онъ замѣтилъ, что креста уже нѣтъ, а лампада въ ея рукахъ едва теплится. Вслѣдъ за тѣмъ онъ умеръ...“

Такою была до конца своихъ дней А. В. Плетнева, хранившая въ себѣ, говоря словами Пушкина, „простое сердце, умъ свободный и правды пламень благородный“. Излишне прибавлять, что она радостно дѣлилась своими скромными средствами съ „блѣдной нищетой“ и была счастлива, когда могла кому-либо помочь на жизненномъ пути, пользуясь своими дружескими связями и тѣмъ уваженіемъ, которое ее постоянно окружало. Постепенно угасая, отъ мучительно и медленно дѣлавшаго свое губительное дѣло рака, не жалуясь, несмотря на страданія, она до конца сохранила интересъ ко всему, любовь и прощеніе ко всѣмъ... 29-го декабря 1901 года, въ 36-ю годовщину смерти ея любимаго мужа, бѣловурая дѣвушка въ вѣнкѣ изъ розъ предстала передъ ней съ потухающей лампадой и сняла съ нея крестъ жизни...

А. Ө. Кони.

